



СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Устав гражданского судопроизводства

Учреждение коммерческих судов
и Устав их судопроизводства

Устав гражданского судопроизводства
губерний Царства Польского

Волостной судебный устав
Прибалтийских губерний



Классика гражданского процесса

Сборник
Судебные уставы Российской
империи (в сфере
гражданской юрисдикции)

«Статут»

2017

УДК 347.9
ББК 67.3(2)52

Сборник

Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции) / Сборник — «Статут», 2017 — (Классика гражданского процесса)

ISBN 978-5-8354-1413-0

В настоящую книгу, которая представляет собой собрание уставов Российской империи в сфере гражданской юрисдикции, включены четыре нормативных акта – памятника российского законодательства XIX в.: Устав гражданского судопроизводства, Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского, Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. Книга дополнена вступительными очерками об истории принятия указанных нормативных актов, а также о специфике гражданской процедуры той эпохи. Представленное издание будет интересно студентам, профессорско-преподавательскому составу юридических вузов и факультетов, юристам-практикам, а также всем тем, кто интересуется историей развития российского законодательства.

УДК 347.9
ББК 67.3(2)52

ISBN 978-5-8354-1413-0

© Сборник, 2017
© Статут, 2017

Содержание

От издательства	6
Вступительное слово	7
Судебная реформа 1864 г.: история и современность (конституционно-правовой аспект)	9
Основные вехи цивилистического процесса в Российской империи в XIX в	17
1. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. как основной этап в развитии русского гражданского процесса	17
2. Становление и развитие коммерческих судов в Российской империи. Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства 1832 г	23
3. История и место в правовой системе процессуальных законов Российской империи Волостного судебного устава Прибалтийских губерний	28
Краткое слово о французском гражданском процессе в Польше	31
Устав гражданского судопроизводства	38
Указ императора Александра II правительствующему сенату	38
Устав гражданского судопроизводства	39
Общие положения	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Судебные уставы Российской империи
(в сфере гражданской юрисдикции):
Устав гражданского судопроизводства
Учреждение Коммерческих судов
и Устав их судопроизводства
Устав гражданского судопроизводства
губерний Царства Польского
Волостной судебный устав
Прибалтийских губерний**

© Валеев Д.Х., вступ. слово, 2017

© Шахрай С.М., вступ. очерк, 2017

© Лукин Ю.М., Валеева Г.А., вступ. очерк, 2017

© Турлуковский Я., вступ. очерк, 2017

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2017

* * *

От издательства

Цель настоящей серии состоит в том, чтобы познакомить всех тех, кто интересуется историей развития российского законодательства, с наследием гражданского процессуального права.

Классические дореволюционные издания российских и зарубежных авторов малодоступны не только для широких слоев населения, но и для специалистов-юристов. Многие труды существуют в одном экземпляре в виде рукописных документов либо никогда не переводились на русский язык. Их востребованность свидетельствует об актуальности обобщения, систематизации и издания имеющихся исследований, посвященных гражданскому процессу, в единой серии, в соответствии с высокими стандартами доктрины и издательского дела.

Выпуску книг предшествует серьезная научно-организационная и редакционная подготовка, проводимая на базе издательства «Статут». Издатель видит главную цель в сохранении идентичности текстов оригинала и современного издания, стилистических особенностей языка времени создания произведения, позволяя себе лишь допускаемые самыми строгими стандартами изменения орфографии и пунктуации, а также исправления явных опечаток предыдущих изданий.

Надеемся, что книги серии позволят читателям глубже и полнее понять сложившиеся проблемы гражданского судопроизводства в его историческом обозрении.

Вступительное слово

Дорогие читатели!

В ваших руках шестая книга из серии работ «Классика гражданского процесса» – Собрание уставов Российской империи в сфере гражданской юрисдикции, в которое включены четыре нормативных акта – памятника российского законодательства XIX в.: Устав гражданского судопроизводства 1864 г., Учреждение коммерческих судов и Устав судопроизводства коммерческих судов 1832 г., Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского 1874 г., а также достаточно редкий правовой источник, который практически отсутствует в научном обороте, – Волостной судебный устав Прибалтийских губерний 1889 г.

Первые книги серии – избранные произведения по истории гражданского судопроизводства Российской империи проф. М.М. Михайлова, труды проф. Новороссийского университета М.И. Малинина, двухтомник проф. Е.В. Васьковского с его редкими и ранее не опубликованными на русском языке работами были доброжелательно восприняты нашими читателями и коллегами-процессуалистами. Это вдохновило нас на дальнейшую исследовательскую и издательскую деятельность в рамках заявленной серии.

Наша долгосрочная программа реализации серьезных культурных и научных задач в сфере гражданского процесса выражается в издании книг, дающих представление о гражданской процессуальной доктрине и законодательстве в историческом ракурсе. В этом смысле особенно важно представлять нашим читателям не только новые исследования известных и авторитетных авторов, но и классические произведения гражданского процессуального законодательства, ставшие на долгие годы ориентиром для ученых и законотворцев. Несомненно, одним из таких рукотворных памятников, положения которого были проверены временем, является Устав гражданского судопроизводства 1864 г. как итог масштабной судебной реформы XIX в.

Комплексная реформа судостроительства и судопроизводства, разработанная в 1861–1863 гг., утвержденная в 1864 г., предусматривала полное изменение судостроительства, с созданием двух ветвей судов – мировых и общих судебных установлений, каждая из которых имела по две инстанции (мировые судьи и мировые съезды; окружные суды и судебные палаты), и кассационных департаментов Сената как общей третьей инстанции. Реформа существенно изменила принципы и процедуры судопроизводства: суд стал гласным, открытым и устным, с состязательным процессом, при котором стороны получили равные права на представление и опровержение доказательств. Рассмотрение дела в судах было ограничено двумя инстанциями (первой и апелляционной), в суде присяжных – одной инстанцией; для всех дел допускалось кассационное обжалование окончательных решений и приговоров. Судебная власть была полностью отделена от административной; судебное следствие было отделено от полицейского и стало процессуально независимым. Судьи общих судов стали несменяемыми, а мировые судьи – выборными на срок. Реформа сопровождалась заменой персонала судебных учреждений, приведшей к существенному повышению квалификации судебных чинов и искоренению коррупции.

Описанные содержательные моменты проводимой Александром II реформы очень напоминают современные реалии последних 20 лет развития российского права. Действительно, мы сейчас наблюдаем и изменение организации судостроительства, и унификацию принципов судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, в конечном счете вылившуюся в работу над созданием единого ГПК РФ.

Все это лишь подчеркивает актуальность обращения к существующему опыту реформирования судебной системы нашей страны. Искренне надеемся, что представляемая вниманию читателя книга также будет способствовать этому нелегкому и благородному делу.

Немаловажно, что настоящее издание было поддержано нашими друзьями и коллегами из Варшавского университета, усилия которых позволили включить в книгу также текст Устава гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Примечательно, что этот правовой памятник является практически дословным переводом, без каких-либо изменений, французского *Code de procédure civile* 1806 г., в нем сохранились даже статьи, в которых речь шла о континентальных и островных территориях Франции... Однако для нас важно показать историю вопроса в первоначальном его состоянии. В этом очевидно прослеживается историческая преемственность, общность культур и законодательства.

Большая работа по адаптации текстов уставов и их научному представлению была бы невозможна без участия и поддержки друзей и коллег, поэтому отдельную признательность хотелось бы выразить работникам издательства «Статут» – директору Александру Геннадьевичу Долгову, исполнительному директору Кириллу Ивановичу Самойлову, главному редактору издательства Вере Юрьевне Станковской, редакторам и корректорам издательства, а также профессору Сергею Шахраю, профессору Ярославу Турлуковскому, доценту Гузель Валеевой и Юрию Лукину. Отдельно поблагодарить за идею и всяческую поддержку хотелось бы А.Р. Султанова.

Надеемся, что представленное издание будет интересно студентам, профессорско-преподавательскому составу юридических вузов и факультетов, юристам-практикам, а также всем тем, кто интересуется историей российского процессуального законодательства.

Ответственный редактор серии

Дамир Валеев

Судебная реформа 1864 г.: история и современность (конституционно-правовой аспект)

Сто тридцать пять лет назад – в 1880 г. выдающийся юрист Анатолий Федорович Кони сказал знаменательные слова: «Происхождение и развитие судебной реформы в России представляет и всегда будет представлять огромный интерес. Этот интерес будет существовать не для одного историка. Он существует и для юриста... Юрист найдет в истории судебной реформы широкую и блистательную картину коренного изменения форм и условий отправления правосудия, встретится с законодательной работой, которая по своей цельности и значению достойна глубокого изучения»¹.

Сегодня я хотел бы несколько перефразировать этот посыл.

Великая судебная реформа с момента своего рождения и до сегодняшних дней привлекает внимание не только историков и юристов, но также писателей, художников и представителей самых разных наук – экономистов, культурологов, социопсихологов. А самое главное, она вызывает неослабевающий интерес у всех, кто занимается вопросами государственного управления.

Важно отметить, что судебная реформа 1864 г. произвела революционные преобразования не только в области судостроительства и судопроизводства, но также в общественных умонастроениях и политической практике, повлияла на общую траекторию исторического развития России.

Несмотря на то, что речь идет, казалось бы, о делах давно минувших дней, весь этот исторический и юридический опыт остается удивительно актуальным по отношению к проблемам сегодняшнего дня в области совершенствования системы государственного и экономического управления. А по каким-то позициям этот опыт даже является пророческим. Нам до такого уровня еще идти и идти.

Когда мы с моим коллегой и товарищем по Ростовскому университету доктором юридических наук, профессором Константином Петровичем Краковским задумывали свое исследование о судебной реформе, нас заинтересовали некоторые **парадоксальные обстоятельства**.

Почему судебная реформа Александра II, которую многие современники и потомки называли «чужеродным растением на российской почве», оказалась в итоге удивительно жизнеспособной, и я бы сказал, попросту «неубиваемой»?

Почему она раз за разом, как **Птица Феникс**, восставала из пепла, несмотря на многочисленные и иногда вполне успешные попытки контрреформ?

Почему идеи этой реформы, которые – не будем бояться непопулярных ныне слов – по своей природе являются глубоко **либеральными**, оказались восприняты не только элитами, но и широкими слоями населения?

Почему даже сегодня, когда мы рассуждаем о путях совершенствования современной судебной системы, мы снова обращаемся за образцом, за **моделью желаемого будущего** к идеям и принципам, заложенным более **полутора веков назад**?

Все эти вопросы заставили нас проанализировать историю судебной реформы 1864 г. в самом широком контексте общественно-политического, социально-экономического, культурного развития нашей страны конца XIX – начала XXI в. Такой подход позволил сделать ряд **выводов**, которые (я на это надеюсь) будут **полезны не только для теории, но и для практики**.

¹ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1967. С. 201.

Итак, начну с самого главного, с общего итога.

При этом я твердо считаю, что **судебная реформа 1864 г. имеет не только историческое и правовое, но и цивилизационное значение для России**. Судебная реформа 1864 г. обладает рядом уникальных особенностей, которые позволили ей стать значимым фактором исторического процесса в нашей стране на протяжении последних полутора веков.

Реформа не просто заложила в железобетонную машину царского самодержавия **«первый элемент» абсолютно новой политической системы**, основанной на разделении властей. Она выполнила более сложную задачу – радикальным образом изменила настроения масс, поскольку смогла подарить всем слоям общества **надежду** на лучшее будущее, на возможность **справедливости** посредством суда «скорого, правого, милостивого и равного для всех». Неслучайно, определяя сущность подлинного правосудия, еще древнеримские юристы отмечали, что оно *«должно быть свободным, ибо нет ничего более несправедливого, чем продажное правосудие; полным, ибо правосудие не должно останавливаться на полпути; скорым, ибо промедление есть вид отказа»*².

Несмотря на довольно быстро наступившую реакцию, судебная реформа 1864 г. не была эпизодической реформаторской удачей, успешным управленческим экспериментом, а тем более «счастливой исторической случайностью». Она была **подготовлена целой чередой предшествующих событий** начиная с середины XVIII в. и при этом по сей день продолжает оказывать **самое непосредственное влияние на общественно-политическую систему современной России**.

Как известно, возникновение юридически закрепленных демократических институтов в нашей стране специалисты относят как минимум ко второй половине XVIII столетия, когда вышел манифест Петра III от 18 февраля (1 марта) 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Основные положения этого манифеста были затем подтверждены Екатериной II в ее знаменитой «Жалованной грамоте дворянству» от 21 апреля 1785 г. Согласно этому акту все потомственные дворяне-землевладельцы организовывались в дворянские собрания, которые наряду с корпоративно-сословным управлением осуществляли также и судебную власть на местах.

Не буду перечислять все детали, но, думаю, очевидно, что новая судебная система создавалась отнюдь не «в чистом поле». Александровские судебные преобразования **опирались на традицию и социальный опыт** трех поколений представителей дворянского класса, участвовавших в сословных демократических процедурах.

В результате единообразная и внутренне сбалансированная система сословных судов с четко разграниченными компетенциями достаточно **органично встроилась в бюрократическую иерархию**, в самую ткань самодержавного государства, сохраняя при этом институциональную и организационную независимость от царской власти. Я хотел бы специально подчеркнуть вывод об органичном характере Великой судебной реформы, *хотя в охранительной литературе XIX в., да и в настоящее время нередко проводится мысль о том, что идеи реформы были чужими для российской действительности*.

На мой взгляд, проблема была не в чужеродности идей (идеи как раз были очень созвучны общественным умонастроениям), а в необходимости, как мы бы выразились сегодня, целенаправленно создавать и поддерживать должные институциональные условия для реализации реформы в полном объеме.

Эту особенность очень тонко чувствовал уже упомянутый мной Анатолий Федорович Кони, который в своей знаменитой цитате сравнивал новый суд – суд присяжных с дорогим и полезным растением, для которого российская почва оказалась **вполне пригодна**. Другое дело, что «пока растение не пустит глубоких корней и не распустится во всей своей силе, необ-

² Латинская юридическая фразеология / Сост. проф. Б.С. Никифоров. М.: Юрид. лит., 1979. С. 141–142.

ходимо... охранять его от непогоды, защищать от дурных внешних влияний, окопать и огрადить таким образом, чтобы не было поводов и возможности срезать с него кору или обламывать его ветки»³.

В этом смысле судебная реформа 1864 г. отвечала **общему вектору** политической эволюции в царской России. Более того, она отвечала общему вектору политической эволюции, которую монархическая власть переживала **во всем мире**.

Как юрист, я могу уверенно говорить о том, что благодаря судебной реформе 1864 г. Российская империя к началу XX столетия располагала одной из наиболее совершенных и глубоко разработанных систем судоустройства и судопроизводства в мире.

Судебная реформа 1864 г. по своей сути была **реформой конституционной**, и российская историческая специфика заключается в том, что *конституционная монархия* в нашей стране начиналась со становления *судебной ветви власти*, которая возникла **на сорок лет раньше законодательной**.

Для того чтобы в эпоху начавшихся перемен и серьезных социальных сдвигов сохранить самодержавие, правительство Александра II попыталось «откупиться» **«небольшим» элементом конституции** – введением относительно независимой судебной власти и суда присяжных.

Но на самом деле это было **настоящей революцией**, потому что в недрах абсолютизма был заложен один из краеугольных камней **абсолютно новой политической системы, основанной на принципе разделения властей**. Возможно, именно эту грядущую смерть абсолютизма предчувствовали противники реформы, которые главным резонансом для своей критики называли **несоответствие новой судебной организации государственному строю империи**.

Тот факт, что демократические судебные органы существенным образом опередили в своем развитии парламентские институты, оказался исключительно позитивным для нашей страны, поскольку это обстоятельство **создавало необходимую для появления подлинной представительной власти социальную и политическую среду и, если хотите, юридическую атмосферу**.

Таким образом, в **судебной первооснове российского конституционализма** заключается **российская историческая специфика**, которая, кстати, снова проявила себя совсем недавно – в середине 1990-х годов, когда главным источником благоприятных правовых условий для становления новой российской государственности и новой российской экономики стал отнюдь не парламент, а **Конституционный Суд Российской Федерации**.

История в 1991–1993 гг. подсказала и показала, что двигаться в правильном направлении возможно, только опираясь на опыт и потенциал той Великой судебной реформы. Идеи реформы нашли свое отражение в Конституции. И вновь особую роль сыграла судебная власть, на этот раз в лице **Конституционного Суда**, который стал, по сути, локомотивом и «юридической лабораторией» конституционных преобразований.

На мой взгляд, такое почти буквальное повторение истории – это уже не случайность, а **подлинная закономерность** и своего рода **подсказка для действующих политиков**.

И сама судебная реформа 1864 г., и последующие события дают нам огромное количество фактов, которые доказывают, что судебная система является той самой «активной энергетической точкой», правильное воздействие на которую гарантированно приводит к оздоровлению и нормализации всей общественно-политической и экономической жизни. Сравнительный анализ показывает наличие **прямой зависимости** между повышением каче-

³ Котли А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 201.

ства судебной власти и благоприятными переменами во власти представительной. Эффективная работа судов не только ведет к совершенствованию и активизации законодательной деятельности, но также обеспечивает ее настройку на реальные потребности государства, общества и человека, включая потребности развития экономики.

Чтоб не быть голословным, продолжу уже упомянутый пример из недавнего прошлого. Все помнят, что во второй половине 1990-х годов Государственная Дума, избранная на самом пике либерализации законодательства о партиях, оказалась политически расколотой, а потому почти неработоспособной. В результате в течение многих лет не принимались самые необходимые законы в области государственного устройства, федерализма, избирательного права, защиты прав и свобод граждан, создания благоприятных условий для новой экономики, регулирования вопросов приватизации, банковской сферы и т. д.

На протяжении ряда лет после вступления в силу новой российской Конституции оппозиционная по своему составу Государственная Дума тормозила принятие большого числа федеральных законов, абсолютно необходимых для создания институтов рыночной экономики и преодоления кризиса. Политические турбулентности «эпохи перемен» и целый комплекс взаимно усиливающих друг друга социально-экономических проблем затягивали процесс реализации конституционной модели экономики на практике, делая его внутренне противоречивым и прерывистым.

На мой взгляд, такое промедление с созданием правовых основ новой экономики могло быть и преднамеренным, поскольку вело к растягиванию периода социально-экономических трудностей для населения. Возможно, что в действиях парламентской оппозиции была своя логика, надежда на то, что социальное недовольство поможет ей изменить соотношение политических сил в свою пользу и взять в свои руки «командные высоты» управления страной.

В таких условиях именно Конституционный Суд, являясь частью **судебной системы**, взял на себя две важнейшие миссии.

Во-первых, в ситуациях, когда парламентарии затягивали принятие законодательных решений по важнейшим вопросам, Конституционный Суд фактически брал на себя нормотворческие функции. Своими решениями он не просто заполнял правовые пробелы, но закреплял должные принципы и правовые механизмы, которые затем становились несущими конструкциями соответствующих отраслей законодательства. То есть Конституционный Суд стал не просто своего рода пожарной командой, но прежде всего архитектором правовой системы новой России.

В качестве яркой иллюстрации можно привести налоговое законодательство. Основные конституционные принципы налогообложения, обязательные элементы налогообложения (т. е. юридического состава вводимого налогового обязательства), без формализации которых в законе обязанность по уплате налога не возникает, и даже само определение понятия налога были сформулированы не законодателем, а Конституционным Судом и только потом из его решений переписаны в Налоговый кодекс.

Важно отметить, что Конституционный Суд взял на себя миссию непосредственной реализации конституционной модели федеративных отношений. Именно Конституционный Суд взял на себя функции детальной регламентации спорных вопросов распределения полномочий между субъектами Федерации.

Кроме того, 30 апреля 1996 г. Конституционный Суд «узаконил» право Президента в условиях отсутствия федерального закона принимать указы, имеющие силу закона.

В итоге Конституционный Суд выполнил задачу своеобразного «принуждения» депутатов к должному законотворчеству.

Возвращаясь к вопросу о закономерности судебной реформы 1864 г., я хотел бы отметить, что реформа оказалась созвучна не только западным идеям Просвещения, но прежде всего глубинным российским **культурным кодам**, благодаря чему ее идеалы и принципы неоднократно восстанавливались после череды контрреформ. Причем восстанавливались фактически в первоизданном виде. Несомненно, этот удивительный феномен стал следствием того, что **общечеловеческие стандарты правосудия**, так емко выраженные в словах Указа 20 ноября 1864 г. – «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех», – **были востребованы всеми слоями российского общества**.

Вот почему на протяжении полутора веков **идея Русской Фемиды**, провозглашенная в 1864 г., продолжала быть путеводной звездой на историческом горизонте нашей страны. Свидетельства тому – **три попытки перезапуска судебной реформы, имевшие место в XX в.**

Как известно, первая – и самая впечатляющая – **контрреформа** имела место в 1870–1890-х гг. и носила отчасти вынужденный характер, поскольку была предпринята в ответ на мощное и скоординированное политическое давление непримиримой легальной и нелегальной антимонархической оппозиции.

Тем не менее эта контрреформа так и не смогла существенно изменить судебную систему, сложившуюся в результате alexandrovских преобразований. **Перезапуск судебной реформы, состоявшийся (пусть и дискретно, с перерывами) в 1904–1917 гг.**, включая восстановление в 1912 г. системы мировых судов, формирование современных регламентов судопроизводства и эффективного процессуального законодательства, **базировался именно на «принципах 1864 года»**.

Однако трагические события начала XX в. и политические потрясения помешали этому процессу. Многие из намеченного оказались невыполненными. Например, анализ основных принципов функционирования начавшей формироваться в первое десятилетие XX в. **административной юстиции** дает основания предполагать, что, не случись октябрьского переворота 1917 г., ее значение для российской экономики поступательно росло бы. Возможно, по мере гипотетического роста и институционального развития российской экономики административная юстиция стала бы прототипом современной арбитражной системы.

Однако российская история пошла иным, как оказалось разрушительным, путем. В конце 1917 г. демократическая судебная система была **почти мгновенно уничтожена**. Эта трагическая история наглядно демонстрирует, насколько быстро даже самые лучшие, самые совершенные институты могут разрушиться от соприкосновения с безжалостной политической стихией, насколько легко суды становятся заложниками политического противостояния между властью и идеологически дезориентированными элитами.

Вторая попытка перезапуска судебной реформы последовала через 40 лет и пришлась на период политической **либерализации** 50–60-х гг. прошлого столетия, одной из основных целей которой была **ликвидация последствий тотального попрания правовой идеи в сталинскую эпоху**.

Характерно, что важнейшие юридические преобразования конца 1950-х – первой половины 1970-х гг. были синхронизированы по времени не только с политическими переменами, но также с прогрессивной экономической (так называемой косыгинской) реформой 1965–1971 гг. В результате судебные преобразования внесли свой существенный вклад в феноменальный успех советской экономики времен «золотой» – восьмой пятилетки.

Разумеется, говорить о содержательной преемственности судебной квазиреформы того периода с эпохальными новациями 1864 г. можно лишь весьма условно. **Однако, учитывая «эффект низкой базы» в виде многолетнего развала судебной системы, подмененной террористическим произволом партийных органов и спецслужб, «оттепельные»**

судебные преобразования под лозунгом «восстановления социалистической законности» имели огромное позитивное значение для судеб миллионов граждан СССР и разнообразных советских корпоративных структур, впервые за 40 лет получивших от власти понятные «правила игры» с репрессивным по своей сути государством.

Третья попытка перезапуска судебной реформы, оказавшаяся, при всех своих недостатках, наиболее удачной и многообещающей, связана уже с новой, постсоветской эпохой. **И я горжусь, что мне пришлось принимать непосредственное участие в этой работе.**

Концепция судебной реформы в РСФСР, одобренная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г., провозгласила необходимость глубоких преобразований в сферах законодательного регулирования, кадрового и ресурсного обеспечения, организации судебной деятельности. В частности, этот документ утвердил системную роль Конституционного Суда. Кроме того, были поставлены такие задачи, как возрождение суда с участием присяжных заседателей и института мировых судей, введение судебного контроля за правомерностью заключения под стражу, принципа несменяемости судей, пересмотр ведомственных показателей работы правоохранительных органов и судов, и многие другие.

Эта концепция стала новой попыткой возвращения к идеалам судебной реформы 1864 г., а ее ключевые идеи были зафиксированы в Конституции Российской Федерации 1993 г. и федеральном законодательстве о судебной системе.

Анализ современного положения дел показывает, что, несмотря на позитивные изменения, конституционная модель судебной системы на практике реализована процентов на 60, а идеалы судебной реформы 1864 г. до сих пор **не достигнуты, как минимум, по трем принципиальным основаниям**, связанным главным образом с механизмами обеспечения **независимости и самостоятельности** судов и судебной системы в целом.

Первый, образно говоря, невыученный урок – это так называемая независимая нарезка судебных округов.

Как известно, судебная реформа 1864 г. сознательно **«разводила» границы судебных округов с границами губерний**. Этот подход обеспечивал независимость судов от губернских властей. В современной России этот принцип не действует – суды общей юрисдикции полностью вписаны в границы субъектов Федерации.

Была, правда, попытка использовать принцип **«разведения границ»** при организации работы арбитражных судов. Это сработало. Арбитражные суды стали действовать более самостоятельно и независимо. Но, как все мы помним, теперь Высший Арбитражный Суд объединен с судом Верховным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что пока идея судебных округов, не совпадающих с административными, остается лишь в «чертежах» юридической доктрины и резолюциях постановлений съездов судей.

Второй, пока еще не достигнутый, идеал – это **независимые судебные следователи**, т. е. специальные судьи, непосредственно реализующие судебный контроль над предварительным следствием.

Такой институт возник в России в 1860 г. – за год до отмены крепостного права и за четыре года до начала александровской судебной реформы и просуществовал до конца 1920-х гг. XX в. Первоначально (до подписания судебных уставов) использовался термин «следственный судья», в самих уставах он стал называться «судебный следователь».

Для примера и сравнения – коротенькая справка, какими были судебные следователи в царские времена.

В 1864 г. была введена сразу тысяча таких судебных следователей. Несменяемость, **жалованье** 1000 руб. в год плюс 500 руб. на расходы, связанные с выполнением своих функ-

ций. По тем временам это огромные деньги. Причем до 1864 г. судебный следователь назначался министром юстиции по представлению губернатора, а после 1864 г. судебного следователя назначал сам император по представлению министра юстиции. И судебный следователь был, как и судья, несменяем.

Судебные следователи были при окружном суде, при **судебной палате**. По сути, это уровень нынешнего субъекта Федерации.

Подумайте, какой высокий статус!

Сегодня в России нет следственных судей, которые находились бы непосредственно в составе суда и были независимы от Прокуратуры и Следственного комитета.

Однако этот сюжет снова оказался в повестке дня. Как известно, **Глава государства** поручил Верховному Суду Российской Федерации рассмотреть вопрос о целесообразности создания института **следственных судей**. Возможно, это станет прологом воссоздания института судебных следователей.

Ключевая идея состоит в том, что в судопроизводстве появляется новая фигура – **следственный судья**. Но сам он не занимается расследованиями. Его миссия – контроль за следствием, защита суда от вовлечения в рассмотрение незаконных и необоснованных дел, а также профилактика злоупотреблений и ошибок при избрании меры пресечения.

Как считает судья Конституционного Суда в отставке, известный ученый-юрист Тамара Георгиевна Моршачова, наличие следственных судей может эффективно ограничить эксцессы следствия, когда, например, следователь своим решением отклоняет материалы, которые могут свидетельствовать в пользу обвиняемого, по той причине, что они получены не при помощи следственных действий. А вот у следственного судьи нет заинтересованности в том, чтобы отвергать материалы защиты, и есть процедуры, чтобы признать их доказательствами.

Вдобавок Конституция у нас не ограничивает действие принципа состязательности судебного процесса только судебными стадиями. Введение в Уголовно-процессуальный кодекс права жаловаться судье на действия следователя также предполагает, что появится арбитр для разрешения конфликтов между стороной обвинения и защиты. Однако пока состязательности на стадии следствия как таковой достичь не удастся. Появление следственного судьи изменит ситуацию.

Иными словами, речь идет о более высоком качестве судебного контроля за предварительным следствием. Вопросы статуса очень важны, потому что необходимо обеспечить реальную независимость следствия в том числе и от коррупционных соблазнов.

В любом случае история дает нам хороший опыт, показывающий, какие должны быть механизмы и решения, для того чтобы выстроить эффективную, работающую систему следственных судей. **Уверен, что она станет еще одной (весомой) гарантией независимости следователей и в конце концов будет работать на обеспечение принципа справедливого правосудия, а значит, на повышение доверия к судебному механизму в целом.**

И наконец, **третий урок** – это важность создания атмосферы доверия общества и бизнеса к судам.

В сложные социально-экономические моменты, в чем бы ни заключались конкретные причины экономического замедления, на первый план всегда выдвигается необходимость бесперебойной работы институтов развития, которые могут функционировать только в атмосфере стабильности «правил игры» и доверия к судебной системе. Это обусловлено наличием **прямой зависимости** между качеством судебной власти, экономическим ростом и социальным развитием.

К сожалению, именно в этой части нам можно поставить **«двойку»**, особенно если сравнивать сегодняшнее отношение общественности к судебной системе и ту обстановку, больше похожую на эйфорию, которая царил в стране после запуска судебной реформы 1864 г.

Новый суд стал в **1864 г.** не просто школой гражданственности, школой усвоения простыми людьми правовых понятий, юридических ценностей. Он давал людям надежду на **справедливость** и перемены к лучшему.

Кстати, я думаю, что если бы не судебная контрреформа, то драматический театр окончательно разорился бы и умер. Потому что во времена Великой реформы публика зачастую предпочитала ходить не в театр, а в суд, где разыгрывались **подлинные** человеческие драмы и трагедии, которые заканчивались, как правило, **торжеством разума и справедливости**. Как известно, на самые громкие процессы даже распространялись билеты, потому что залы судов не могли вместить всех желающих. Такой интерес к делам судебным как раз и являлся свидетельством органичности реформы, свидетельством того, что она отвечала общественному запросу на правду и справедливость.

Поэтому, возвращаясь к сегодняшним дням, я хочу резюмировать, что одной из наиболее сложных задач является **именно необходимость восстановления того уровня общественной поддержки, которую имела наша судебная система в конце XIX в.** И важнейшее институциональное преобразование, с которого могут начаться реальные позитивные подвижки, как уже говорилось, – это **становление института следственных судей**.

Но не менее важно и другое – это **реальный**, а не декларативный путь к возвращению **ДОВЕРИЯ** бизнеса (и общества) к судебной власти и государственной власти вообще.

Доверие к институтам власти и суду важно во все времена, но сегодня – в особенности. Анализ экономической ситуации показывает, что у нынешних чрезвычайно сложных экономических проблем выделяются три фактора: цена на нефть (вес этого фактора 30 %); санкции против России (вес этого фактора 40–45 %); **НЕДОВЕРИЕ БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА** к власти, к ее способности относительно быстро вывести страну из экономического кризиса (вес этого фактора 20 %). Все остальные факторы – 5–10 %.

Но если цена на нефть и санкции в определенном смысле не зависят от нашей воли, то возвращение **ДОВЕРИЯ** бизнеса и общества к власти как фактор, способный существенно улучшить ситуацию, – это то, что мы можем и должны сделать сами. Причем сделать это надо как можно быстрее.

В такой ситуации возрождение института следственных судей может оказаться очень эффективной мерой, реализованной в нужное время и в нужном месте.

Пожалуй, на этом я поставлю не точку, а многоточие.

Потенциал судебной реформы 1864 г., в чем я твердо уверен, еще далеко не исчерпан: решение задач, связанных с повышением эффективности системы государственного управления и укреплением подлинно демократических институтов власти, затруднено, пока не будут «выучены все уроки» и выполнены все «домашние задания» Великой реформы.

С.М. Шахрай,

доктор юридических наук, профессор,

декан Высшей школы государственного аудита (факультета)

Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова

Основные вехи цивилистического процесса в Российской империи в XIX в

1. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. как основной этап в развитии русского гражданского процесса

В ходе проводимых в России великих буржуазных реформ второй половины XIX в. судебная реформа, а именно реформирование российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX в., представляет особый интерес. Безусловно, можно заметить, что проблемы, решаемые в ходе судебной реформы 1864 г., во многом похожи на проблемы, существующие и в современном гражданском судопроизводстве России. Объяснение этому лежит в самой сути дореформенного гражданского судопроизводства тогда и сейчас, которое, безусловно, связано с переходом от преимущественно следственного процесса к процессу частному и состязательному, ослаблением функции прокуратуры, усилением роли адвоката и представителя, формированием мировой юстиции и т. д.

Неудовлетворительное состояние правосудия по гражданским делам, изменение политической и экономической жизни России во второй половине XIX в. обусловили необходимость подготовки и проведения судебной реформы.

В 1843 г. главноуправляющий Собственной Е.И.В. Канцелярией граф Д.Н. Блудов затребовал от членов судебного ведомства замечания о доказанных практикой недостатках действующего судебного законодательства и на основе полученных сведений составил «предложение» о некоторых необходимых улучшениях.

В 1848 г. Александр II при рассмотрении одного частного дела, заметив чрезмерную медлительность, происходящую от недостатков гражданского судопроизводства, повелел графу Д.Н. Блудову представить соображения об их исправлении, который в свою очередь поставил перед государем вопрос о том, следует ли составлять полный проект судопроизводства гражданского или ограничиться некоторыми частными исправлениями. И в результате государь приказал: «Не ограничиваясь отдельными исправлениями некоторых правил судопроизводства гражданского, составить полный проект нового устава»⁴. В том же году приступило к составлению нового проекта устава гражданского судопроизводства и II Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Проект Д.Н. Блудова 1855–1860 гг. составил громадный, почти разительный шаг вперед. В числе принятых изменений гражданского судопроизводства графом Д.Н. Блудовым были: отделение власти судебной от власти административной; уничтожение канцелярской тайны и введение гласности и устности; введение состязательного процесса и учреждение сословия присяжных поверенных; решение дела по существу только в двух инстанциях, и др.

Наиболее общей проблемой гражданского судопроизводства в дореформенный период являлись недостатки в самом законодательстве: в Своде законов Российской империи (изд. 1857 г., т. X, ч. 2) вопросы гражданского судопроизводства были отнесены к Законам гражданским, которые были, в свою очередь, разделены на два разряда и собраны в кн. V и VI Свода⁵. Вторая часть Законов гражданских именовалась «Законы о судопроизводстве и взысканиях

⁴ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложениями рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866. Ч. I. С. 14.

⁵ Свод Законов гражданских и межевых. Ч. 1. Законы гражданские. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832.

гражданских» и состояла из трех книг: книга первая была посвящена порядку производства гражданского суда в делах бесспорных; книга вторая – порядку производства гражданского суда в делах спорных; книга третья устанавливала порядок взысканий гражданских – порядок наложения и снятия запретов на недвижимое имущество, порядок описи, оценки и публичной продажи имущества, личного задержания должников и т. п.

Общее число статей Законов о судопроизводстве составляло 2282. Однако такое огромное количество правовых норм в итоге не вносило ясность в порядок осуществления гражданского судопроизводства, а лишь делало его абсолютно запутанным и неясным. Так, согласно нормам Свода законов в гражданском процессе имелись разнообразные формы, порядки, виды судопроизводства. Нарушенное гражданское право подлежало восстановлению либо в бесспорном (исполнительном) порядке, либо в порядке судебном (спорном), если присутствовал спор о праве (ст. 108 Законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских).

Производство дел в бесспорном порядке относилось преимущественно к ведению органов полицейского управления и было практически совсем исключено из судебного ведения, т. е. тем самым происходило смешение элементов гражданского и административного судопроизводства. Спорные дела рассматривались судом либо в производстве примирительном, либо в производстве понудительном. Последнее включало в себя вотчинное и исковое производства⁶.

Вотчинное производство касалось вещных прав на движимое и недвижимое имущество, исковое – споров по договорам и обязательствам, по взысканиям за нарушение прав обидами, убытками и самоуправным завладением (ст. 153–155 Свода законов).

В искомом судопроизводстве также различались два вида производств: производство по неисполненным обязательствам и договорам и производство по взысканиям в обидах, ущербах и самоуправном завладении (ст. 1591–1597 Свода законов изд. 1832 г.; ст. 153–159 т. X, ч. 2 Свода законов).

Помимо указанных четырех основных производств (примирительное, понудительное, вотчинное, исковое) существовало еще как минимум 18 особенных. По совсем иным правилам осуществлялось рассмотрение гражданских дел в третейских, совестных, словесных судах. Кроме того, в Законах о судопроизводстве содержался целый ряд исключительных постановлений для отдельных местностей и народностей Российской империи (ст. 1241 Свода законов). В сумме исследователи Законов о судопроизводстве насчитывали 63 порядка судопроизводства по гражданским делам.

К существенным недостаткам гражданского процессуального порядка относились: медлительность рассмотрения дел; формализм и письменность; неточность и неполнота правил о доказательствах; право суда назначить присягу; умственный и нравственный уровень личного состава суда; нищенские оклады жалованья, порождавшие непомерное взяточничество практически во всех судебных местах.

Но еще больше гражданское судопроизводство усложнялось благодаря существующей в то время судебной системе. Организация суда, взаимоотношения судебных инстанций, или, как их тогда называли современники, «одиннадцати мытарств», были чрезвычайно сложными и запутанными, основывались на принципе сословности. Первую инстанцию составляли уездные суды, магистраты, ратуши, надворные суды, межевые конторы, коммерческие суды, вторую – палаты гражданские и уголовные, соединявшиеся в небольших городах в одну палату, наконец, третью представлял Правительствующий Сенат.

Работы по реформированию гражданского процессуального законодательства включали в себя несколько этапов.

⁶ Дегай П. Учебная книга российского гражданского судопроизводства губерний и областей, на общих правах состоящих. Составлена для Императорского училища правоведения Павлом Дегаем. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1840. С. 19–21, 30–38.

Сначала во II Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии были составлены подготовительные проекты новых уставов судопроизводства, которые Государственный Совет после предварительного рассмотрения передал на рассмотрение практиков «по судебной части».

Отделения гражданского судопроизводства во II Отделении возглавлял С.И. Зарудный, членами комиссии стали Баршевский, Быков, Вилинбахов, кн. Волконский, Гурин, Калачев, Квист, Книрим, К.П. Победоносцев, Репинский, Шечков и Шубин⁷.

Проект общего устава гражданского судопроизводства, а также дополнительные работы о производстве дел гражданских порядком сокращенным и об исполнении судебных решений рассматривались соединенными департаментами в течение 39 заседаний с 15 ноября 1857 г. по 23 сентября 1859 г.

Исправленный по заключениям соединенных департаментов проект устава гражданского судопроизводства был разослан в конце 1859 г. по Высочайшему повелению всем членам Государственного Совета. Некоторые члены сообщили свои замечания на проект устава, а от министра юстиции поступили и замечания служащих в ведомстве Министерства юстиции юристов. Из всех отмеченных замечаний составлен был в Государственной канцелярии общий свод. Редакционная комиссия, окончив свой труд, подвергалась ожесточенной критике. Соединенные департаменты, рассмотрев этот проект устава в 1860 г. и в начале 1861 г. в 14 заседаниях, постановили свои заключения о различных правилах гражданского судопроизводства.

23 октября 1861 г. было Высочайшее повеление о составлении Государственной канцелярией «Основных положений для устройства судебной части». С этой целью была образована Комиссия, в которой участвовали Бутков, Плавский, Буцковский, Победоносцев, Стояновский, Зарудный, Даневский, Шубин, Ровинский и Вилинбахов. В 1862 г. Государственной канцелярией Высочайшим повелением была предоставлена полная свобода действий при выработке основных начал предстоящей судебной реформы. Деятельность Комиссии затем была отражена в замечательной книге **Анатолия Федоровича Кони** «Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию судебных уставов)». Юристам было дано Высочайшее повеление «изложить в общих чертах соображения Государственной канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, *несомненное достоинство* коих признано в настоящее время *наукою и опытом европейских государств* и по коим должны быть преобразованы судебные части в России»⁸.

Через четыре месяца «Основные начала» были готовы, затем рассмотрены и одобрены Государственным Советом и после Высочайшего утверждения 29 сентября 1862 г. опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», чтобы дать возможность желающим высказаться по поводу предстоящей реформы. Желавших оказалось больше, чем можно было ожидать: поступило свыше 440 замечаний от судебных деятелей, профессоров и других лиц. Эти замечания составили шесть печатных томов. Для составления подробных *окончательных проектов уставов* в развитие «*Основных начал*» «соответственно условиям и особенностям нашей гражданской жизни» была создана новая особая Комиссия, к работе в которой были привлечены лучшие юридические силы – начиная от сенаторов и профессоров права и заканчивая представителями из числа наиболее опытных практиков. Данная Комиссия начала свою деятельность тоже с истребования мнений практиков. В ходе анализа значительного количества отзывов, замечаний и предложений с мест к осени 1863 г. были составлены окончательные проекты уставов, которые сопровождались превосходными и обширными (по полторы тысячи и более страниц) объяснительными записками.

⁷ Джасанишев Г.А. С.И. Зарудный и Судебная реформа: историко-библиографический эскиз. М.: Тип. Е. Гербек, 1889. С. 123.

⁸ Джасанишев Г.А. Основы судебной реформы: Сб. ст. М.: Статут; РАП, 2004. С. 56. 25

Итогом подготовки нового процессуального законодательства явилось рассмотрение составляемых законопроектов в Государственном Совете под председательством В.П. Буткова и при ближайшем участии С.И. Зарудного. С поразительной быстротой, в течение всего 11 месяцев, Комиссия при содействии приглашенных специалистов изготовила проекты учреждения судебных установлений и уставов гражданского и уголовного судопроизводства с общими объяснительными записками, которые по истребовании заключений от чиновников Государственного Совета и по одобрении им получили Высочайшее утверждение.

20 ноября Александром II были подписаны судебные уставы, и С.И. Зарудный имел удовольствие видеть появление на свет великого законодательного акта, на участие в работе по подготовке которого в течение 20 лет он потратил лучшие годы своей жизни, трудился, не щадя себя. Ближайший свидетель этой работы В.П. Бутков препроводил Зарудному 22 ноября первый экземпляр только что вышедших из печати судебных уставов с запиской: «Этот первый отпечатанный экземпляр Судебных Уставов вручается Сергею Ивановичу Зарудному как лицу, которому судебная реформа в России более других обязана своим существованием. Он занимался этим делом со времени поступления в Государственный Совет первых проектов II отделения и вел все дело до конца. Он участвовал в работах по сопоставлению основных положений, руководил работами по уставу гражданского судопроизводства, деятельно занимался обсуждением всех других проектов. При таких его трудах, целью которых было одно – искреннее желание совершить всю столь необходимую для пользы России работу – конечно, первый отпечатанный экземпляр по праву должен принадлежать Сергею Ивановичу»⁹.

В итоге, основываясь на современных исследованиях, все работы по реформированию гражданского процессуального законодательства можно разделить на несколько этапов:

1-й – рассмотрение проекта судебных уставов в особом Комитете, учрежденном в 1852 г.;

2-й – рассмотрение соединенным департаментом в течение 39 заседаний с 15 ноября 1857 г. по 23 сентября 1859 г. проекта общего устава гражданского судопроизводства, а также дополнительные работы о производстве гражданских дел сокращенным порядком и об исполнении судебных решений;

3-й – 29 сентября 1862 г. во II Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии были составлены подготовительные проекты новых уставов судопроизводства под названием «Основные положения судебной части»;

4-й – рассмотрение составленных законопроектов в Государственном Совете;

5-й – 20 ноября 1864 г. Александром II были подписаны судебные уставы¹⁰.

Итогом реформирования стало принятие судебных уставов. Устав гражданского судопроизводства одновременно с Уставом уголовного судопроизводства, Учреждением судебных установлений и Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, был утвержден Указом императора Александром II 20 ноября 1864 г. В своем Указе Правительствующему Сенату Александр II констатировал, что проекты уставов «вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»¹¹.

Вопросы гражданского судопроизводства были сосредоточены в Уставе гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Он стал первым в истории российского законодатель-

⁹ Кош А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию судебных уставов). М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. С. 86–87.

¹⁰ Данная периодизация основывается на работе: Назарова Н.А. Реформирование и развитие российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX века: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

¹¹ Именной, данный Сенату Указ от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864 (№ 41319–41641). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. № 41473. С. 180.

ства процессуальным кодексом, разработанным по лучшим западноевропейским образцам, которые вполне соответствовали современным им воззрениям юридической науки.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. имеет всеобщее научное значение в современном праве. Этот исторический памятник дает полное представление об уровне развития гражданского судопроизводства того времени.

Устав гражданского судопроизводства состоит из вводной части («Общие положения») и трех книг, включающих 1400 статей.

В «Общих положениях» изложено, что именно подлежит разрешению судебными установлениями и какие дела ведаются административными местами или лицами; последним воспрещалось как разрешать спорные обстоятельства, возникающие при рассмотрении ими какого-либо дела и подлежащие судебному рассмотрению, так и передавать это дело в судебное установление, а предоставлялось только объявлять просителям, что они могут обратиться с иском по установленному порядку в надлежащий суд.

С другой стороны, судебные установления могли приступать к производству гражданских дел не иначе как вследствие просьбы о том заинтересованных лиц и разрешать спор не иначе как по выслушиванию объяснений противной стороны или по истечении назначенного для представления такого объяснения срока (ст. 4 Устава).

Книга I определяла порядок производства в мировых судах; книга II – порядок производства дел, начинаемых в общих судебных местах; книга III регламентировала изъятия из общего порядка гражданского судопроизводства. К Уставу были приложены образцы процессуальных документов – искового прошения и исполнительного листа.

Гражданское судопроизводство основывалось на положении о гласности, устности и состязательности, причем эти принципы были выражены в гражданском процессуальном праве более полно, чем в уголовно-процессуальном.

Устав гражданского судопроизводства устанавливал два порядка судопроизводства: обыкновенный и сокращенный. Обыкновенный порядок предполагал обязательное представление сторонами письменных объяснений, письменных доказательств, а согласно сокращенному – письменная подготовка дела к слушанию хотя и могла быть допущена, но не была обязательна и решение суда могло быть основано «на одном только словесном состязании тяжущихся».

Таким образом, судебные уставы 20 ноября 1864 г. изменили существующую систему суда того времени в двух отношениях: во-первых – всю иерархию судебных мест и органов; во-вторых – саму систему отправления суда этими органами, они преобразовали как судоустройство, так и судопроизводство. Цели законодателя при установлении новой иерархии учреждений того времени очевидны при первом же знакомстве с судебными уставами 20 ноября 1864 г., а именно:

1) сокращение существующего числа судебных инстанций в обыкновенном порядке суда;
2) разработка местного судебного разбирательства для менее сложных дел, которые не рассматривались ни в одном судебном учреждении. Судебные учреждения по Уставам 1864 г. были основаны на трех началах:

- а) на различении судов общих и мировых;
- б) на установлении однократного пересмотра дела по существу в апелляционном порядке;
- в) на различии апелляционного рассмотрения дела и кассационного надзора за правильностью судебных решений.

Учреждение мировых судов отдельно от общих было вызвано желанием установить для маловажных и не терпящих отлагательства гражданских и уголовных дел суды местные, выделенные от земства, близкие к населению, особенно сельскому, дешевые и простые, доступные массе народа, не связанные сложной системой формальностей общего порядка судопроизвод-

ства, более чуткие к народному сознанию справедливости, обязанные прежде всего заботиться о примирении враждующих сторон.

Введение в действие судебных уставов и создание новой судебной системы заняло значительное время. Так, сначала в апреле 1866 г. было создано только два судебных округа: в Петербурге и Москве. Открытие нового суда состоялось в столице в день рождения Александра II – 17 апреля; 23 апреля 1866 г. судебные установления открылись в Москве, в 1867 г. – в Харькове. Действие судебных уставов охватило 44 губернии, причем процесс создания в них новых судов занял более 30 лет. К 1870 г. новые суды были введены в 23 губерниях, а в остальных 21 губернии образование судов завершилось только в 1896 г. Новые судебные уставы не вводились на северной и юго-восточной окраинах Европейской России (в Олонецкой, Уфимской, Оренбургской и Астраханской губерниях). Суд присяжных не был введен в Царстве Польском, Прибалтике и на Кавказе. Так, в Замечаниях министра юстиции на соображения Комиссии, Высочайше учрежденной для окончания работ по преобразованию судебной части, «О порядке введения в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года» прямо указывается на то, что «одновременное и полное введение Уставов на всем пространстве Империи, очевидно, невозможно. Поэтому в настоящее время необходимо принять способ постепенного введения Уставов по губерниям, однако нельзя не стремиться всеми мерами к возможно скорому распространению Судебных Уставов на всю Империю».

Судебная реформа 1864 г., столкнувшись с жизненными реалиями, впоследствии претерпела значительные изменения. По данным Министерства юстиции, к 1894 г., т. е. за 30 лет существования судебных уставов, в них было внесено около 700 дополнений, изменений и поправок. На основании этого 7 апреля 1894 г. по Высочайшему повелению была образована под председательством Министерства юстиции Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. В нее входили: министр юстиции П.М. Бутовский, сенаторы И.Л. Горемыкин, Н.Н. Шрейбер, С.И. Лукьянов, барон А.А. Икскуль фон Гильденбандт, Н.Н. Мясоедов, Н.С. Таганцев, исп. об. обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената А.Ф. Кони и многие другие. Работа Комиссии продолжалась пять лет и закончилась составлением проектов новой редакции Учреждения судебных установлений, уставов гражданского и уголовного судопроизводства с объяснительными к ним записками (16 печатных томов). В области гражданского процесса Комиссия предложила действительно полезные изменения, в области же судостройства она сделала дальнейшие шаги в сторону уклонения от основных начал судебных уставов 1864 г. Часть проектированных Комиссией изменений в процессуальных правилах осуществлена законами последующих лет (1911–1914 гг.).

2. Становление и развитие коммерческих судов в Российской империи. Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства 1832 г

История коммерческих судов, существовавших в Российском государстве, – это история становления особой системы судов по разрешению экономических споров. Вопрос о необходимости существования подобных судов вызывает интерес уже не одно столетие, и тот опыт, который уже накоплен в России и в мире вообще, дает основания для существования в России в настоящее время отдельной системы арбитражных судов, а до этого – системы государственного арбитража.

Родоначалниками особых судов, разрешающих споры экономического характера, в мировой истории были Древний Египет и Афины. В Древнем Риме эти специализированные суды появились позднее. В Средние века данные суды стали развиваться в городах Италии и Испании.

В Новое время коммерческие и торговые суды в Западной Европе, из которых впоследствии и сложились первые системы коммерческого судопроизводства, были трех видов: суды морские, консульские и ярмарочные.

Морские суды были созданы для решения споров между участниками морского транспорта, принадлежащими к разным государствам; при этом разрешение подобных споров по местному праву не представлялось возможным. Это и стало основной причиной обособления морских судов. В них разбирались споры между лицами разных государств, и в них применялось иноземное право. Такие суды под именем *curiae maritimae*, а потом под арабским названием адмиралтейских судов появились сначала на побережье Средиземного моря, по берегам Италии и Испании, а затем переместились на побережье Атлантического океана, к берегам Франции и Англии.

Консульские суды явились выражением сословной раздробленности средневекового общества. В это время бароны судились равными, и если духовенство имело свой суд, то и купеческое сословие должно было получить обособление в судебном отношении. Специальная купеческая юрисдикция наиболее ярко проявилась в Италии, где соблюдалось обыкновение отдавать все споры, возникающие между членами корпорации, на суд ее выборных (*consules*), которые производили разбирательство в доме, где сосредоточивались дела корпорации (*curia mercatorum*).

Ярмарочные суды возникли во Франции в связи с особыми запросами, выдвинутыми богатой ярмарочной жизнью. Собравшееся на ярмарку купечество не могло сформировать единую корпорацию: кратковременность пребывания на ярмарке требовала быстроты процесса и не мирилась с волокитой. Уже с XII в. на ярмарках Шампани появляются особые органы под именем *custodes nundinarium*, назначаемые графом или королем, с функциями одновременно полицейскими и судебными. С XIV в. организация этих судов стала сложнее, к исполнению судебных обязанностей привлечены были и сами купцы, которые все более отодвигали на второй план правительственный элемент. Эти суды по предметной подсудности вели все дела, связанные с торговлей, как гражданские, так и уголовные; по личной подсудности – дела всех лиц, посетивших ярмарку¹².

В Париже Эдиктом 1563 г., изданным при Карле IX под влиянием канцлера л'Опиталья, учрежден суд по коммерческим делам – *juge et consuls des marchands*. Этот суд может считаться уже настоящим коммерческим судом, основанным на идее сословной и ярмарочной юрисдик-

¹² Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003. С. 40–41.

ции. Он был построен на чисто выборном начале. Торговый устав 1673 г. признал эти суды общим типом для коммерческого сословия.

Идея коммерческих судов под французским влиянием стала в начале XIX в. распространяться по всей Европе. Она была воспринята в Бельгии, Нидерландах, Италии, Испании, в германских областях и Герцогстве Варшавском.

Особые коммерческие суды или, по крайней мере, особые отделения для торговых дел при общих судах встречаются также в Германии, главным образом с XVIII в. Издание в 1861 г. Германского торгового уложения способствовало учреждению ряда новых коммерческих судов. В 1869 г. был даже открыт для надзора за ними Высший коммерческий суд в Лейпциге.

В России исторически сложилось так, что торговля была одним из основных источников пополнения казны и купечество издревле пользовалось обширными льготами и привилегиями. Первые сведения о древнем купечестве подтверждают договоры с греками 907, 911, 944, 971 гг. Договоры Руси с греками 911 и 944 гг. содержат особые статьи о порядке торговли, об особых правах купцов (ст. 2 Договора 944 г.), о кораблях с товарами вообще и о потерпевших крушение в частности (ст. 8 Договора 911 г.), о выдаче товаров, оставшихся после умерших без завещания, их соотечественникам, торгующим в Греции (ст. 13 Договора 911 г.), и т. п.; русские купцы даже поименованы в числе лиц, участвовавших в заключении этих договоров. Правда, какого-либо текста, который можно было бы истолковать как относящийся к экономическому правосудию, ни в материальном, ни в процессуально-правовом понимании нет.

В России торговые суды впервые упоминаются в Уставной грамоте Новгородского князя, данной церкви св. Иоанна Предтечи в 1135 г. Это были особые суды для торгового сословия в России. Церковь св. Иоанна Предтечи была патрональной церковью новгородского рынка, а также торгующих классов и всей торговли. В ст. 3 Уставной грамоты определяются условия вступления купцов в «Иванское купечество» – особое товарищество наиболее состоятельного купечества. Члены его именовались «пошлыми» («пошлина» – старина) – исконными, потомственными купцами. Высокая сумма вступительного взноса – деньгами 50 гривен (около 10 кг) серебра и сукном – давала привилегию не только вкладчику, но и его потомству: звание «пошлого» купца было наследственным. В Уставной грамоте определялся порядок управления Иванской организацией. Поскольку купцы объединялись вокруг церкви, то они, как и положено прихожанам, избирали трех старост от 22 именитых граждан, двух старост от купцов и одного тысяцкого от простого народа (ст. 2 Уставной грамоты). Назначение представителей не только от купцов, но и от других сословий доказывает, что это был суд не сословно-купеческий, а именно торговый, т. е. суд по делам торговли¹³.

Старосты разбирали как внутрицерковные проблемы, так и споры иванских купцов с иностранными и новгородскими купцами. Иванская организация в решении своих дел была вполне самостоятельна, и посадник не участвовал в рассмотрении таких споров.

Для решения споров между новгородскими и немецкими гостями по договору между Новгородом и Ганзой (Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189–1199 гг.) был учрежден смешанный суд из русских и немецких представителей¹⁴. Да и само новгородское вече могло выступать и в качестве арбитражного суда в конфликте между представителями исполнительной власти, как это было в споре между князем Святославом и посадником Твердиславом в 1218 г., результатом которого было сохранение последним своей должности.

¹³ Пахольчик Е.Д. Организационно-правовые и процессуальные основы коммерческого правосудия в России в XIX веке: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 22.

¹⁴ Андриевский И.Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом. СПб.: Тип. Якова Трея, 1855. С. 118.

Определенные элементы коммерческого правосудия можно найти и в Судебнике 1550 г.: так, губные старосты в соответствии с ним помимо судебных дел решали вопросы, связанные с землеустройством; земские старосты контролировали сбор прямых и косвенных налогов и таможенных пошлин. Этот Судебник регулировал судебное разрешение споров холоповладельцев о принадлежности холопов, содержал нормы гражданского судопроизводства по делам, связанным с землевладением, среди которых особое место занимало право выкупа родовых вотчин (ст. 85), статью об ответственности сторон при совершении торговой сделки (ст. 93) и еще ряд норм.

Первую попытку создать постоянно действующий суд для купечества предпринял в 1667 г. царь Алексей Михайлович. Новоторговый устав, составленный главой Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокиным и утвержденный 22 апреля 1667 г., учреждал особые таможенные суды, состоящие из «лучших торговых людей», и специальный Приказ по торговым делам.

До принятия Новоторгового устава действовал ряд указов, ограничивавших права иностранных купцов в России. В ст. 2 Новоторгового устава говорится об учреждении при Архангельской таможне особого суда: «Всякая полная расправа у города Архангельского в торговых делах русским людям и иноземцам чинити в таможне гостю с товарищи».

А согласно ст. 1 воеводам запрещалось вмешиваться в «таможенные торговые и всякие дела» «гостя с товарищами», чтобы «великого государя казне в сборах порухи не было». Впоследствии такие таможенные суды были образованы и при других таможнях; а поскольку в то время были не только пограничные, но и внутренние таможни, такие суды возникали и в Москве, и в других городах.

Новоторговый устав интересен не только тем, что создал по существу единый специализированный Купеческий приказ, который «давал бы купеческим людям управу», не заставляя их «волочиться по многим приказам» (ст. 89), но и тем, что вводил специальную систему судов, которая должна была вести судопроизводство по всем делам, связанным с внешней и внутренней торговлей.

Таможенные суды, учрежденные в 1667 г., продолжали действовать и в XVIII в., но в связи с реорганизацией системы управления были подчинены местным городским органам власти и Коммерц-коллегии – вышестоящей инстанции по рассмотрению торговых дел, т. е., по существу, входили в административную систему органов власти.

Петровское законодательство продолжило развивать линию относительно специальных таможенных судов: так, Указом 26 августа 1727 г. утвержден Устав о таможенном словесном суде, который должен был «отправлять словесный суд и расправу между купеческими людьми и кто на них будет бить челом». Здесь же, во введении, указывается мотив судебной обособленности купцов: «... дабы оные, кроме необходимой нужды, не вступали в письменные суды и ответы, тем в купечестве своем время не тратили и в напрасные убытки от того не входили...»

Ведению таможенных словесных судов подлежали следующие дела:

- 1) о неплатеже денег за проданный и принятый товар;
- 2) о несдаче проданного или запроданного товара;
- 3) о сдаче товара «худшей доброты»;
- 4) о неплатеже денег, занятых «письменно или бесписьменно»;
- 5) о деньгах, товаре или письмах (документах), взятых на хранение; 6) об отдаче внаем лавок или судна;
- 7) о неисправной доставке товаров судовщиками (кроме портовых мастеров, «о которых особые уставы») или извозчиками;
- 8) о неплатеже купцами денег или учинении напрасного простоя судовщиками или извозчиками;

9) о спорах между хозяевами и наемными рабочими при выгрузке и погрузке товаров или при другой работе по торговле;

10) по жалобам хозяев на приказчиков (продавцов) или обратно, об удержании денег «или в ином чем»;

11) о драках и брани между купцами и их приказчиками или продавцами.

В соответствии с Вексельным уставом 1729 г. в таможенные суды были переданы и все вексельные дела.

Таким образом, можно сказать, что к началу XIX в. в России созрели объективные предпосылки для создания публичного государственного суда, осуществляющего экономическое правосудие.

И на такой благодатной почве французские идеи и опыт специализированных судов быстро нашли тех, кто понимал значимость и необходимость создания подобных судов. Одесский градоначальник, герцог де Ришелье, обращался к правительству с указанием на необходимость учредить в этом торговом городе *un tribunal de commerce*. После нескольких лет переписки вопрос этот был разрешен, и 10 марта 1808 г. был утвержден Устав коммерческого суда в г. Одессе. Вслед за одесским судом коммерческие суды согласно тому же Уставу учреждены были в Таганроге (1808 г.), в Феодосии (1819 г.), в Архангельске (1820 г.), в Бессарабии: Рени (1819 г.), Измаиле (1824 г.), Кишиневе (1856 г.).

К подсудности Одесского коммерческого суда были отнесены дела судебные (исковое производство):

1) споры торговые;

2) споры о строительстве, покупке, починке, найме кораблей;

3) споры маклерские, вексельные и банкирские;

4) споры с цеховыми ремесленниками по вопросам торговли –

и несудебные (особое производство): о торговой несостоятельности и внешнем управлении.

Опыт создания и разработки Устава коммерческого суда в г. Одессе, а также становление таких судов и в других городах привели к тому, что идея создания особых коммерческих судов все больше завоевывала популярность, в том числе и в правительственных кругах, но возникали существенные противоречия между Министерством финансов и Министерством внутренних дел. Император также проявлял все больший интерес к данному вопросу, а именно к совершенствованию торгового законодательства и судебной системы России. 7 октября 1827 г. создается Комитет под председательством М.М. Сперанского, в который вошли представители Министерства финансов и Министерства коммерции и мануфактур, начальник II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии М.А. Балугьянский, а также городские головы Москвы и Петербурга. Основной задачей Комитета была разработка Устава о векселях и законодательства о торговой несостоятельности, с тем чтобы «постановить твердые правила к ограждению кредита». В Указе Сенату о данном Учреждении, предназначенном для всей России, поводы к его изданию мотивированы так: «По особому свойству спорных торговых дел было признано еще в 1727 г. полезным для производства их особое постановление под именем Устава суда таможенного. Впоследствии действие сего Устава изменилось и тяжбы сего рода были отнесены частью к ведомству магистратов, частью же надворных судов...»

Источниками законопроекта стали:

1) российское законодательство (в частности, Устав коммерческого суда в г. Одессе, законодательные акты 1726 и 1727 гг.);

2) зарубежное законодательство, в особенности французский Коммерческий кодекс и законодательство о Гамбургском коммерческом суде;

3) проект Петербургского коммерческого совета 1816 г.;

4) записки одесского градоначальника А.И. Лёвшина.

Проект Учреждения коммерческих судов состоял из двух частей. Первая часть была посвящена судоустройству коммерческих судов, подведомственности и судебному делопроизводству. Вторая посвящалась правилам определения подсудности, порядку судебного извещения субъектов процесса, средствам доказывания по торговым спорам, процедуре постановления решения, порядку его исполнения и обжалования.

Заслужой М.М. Сперанского было то, что он положил в основу системы коммерческих судов ряд новых буржуазных начал судоустройства и судопроизводства. Одним из основных достижений был принцип выборности судей коммерческих судов, который в некоторой степени комбинировался с принципом назначаемости судей.

Впоследствии Г.Ф. Шершеневич писал, что «процесс, введенный в коммерческих судах законом 1832 г., представлял огромные преимущества. Словесная расправа, составлявшая основной вид производства, резко отличалась от письменной переписки. Торговый процесс, по сравнению с общим, представлял все достоинства быстроты и простоты благодаря началу устности, которое хотя и не полностью, но в значительной мере было положено в его основу»¹⁵.

14 мая 1832 г. Николай I издал Именной указ об учреждении коммерческих судов – «Высочайше утвержденное Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства». В дальнейшем, рассматривая развитие коммерческих судов, мы видим, что с введением в действие судебных уставов 1864 г. все виды торговых судов, кроме коммерческих, были упразднены. Для разрешения вопроса об их дальнейшем существовании 11 января 1865 г. была учреждена Комиссия, основной целью которой было согласовать законодательство о коммерческих судах с нормативной правовой базой, утверждаемой в рамках проведения судебной реформы 1864 г. Во главе Комиссии стоял Государственный секретарь В.П. Бутков. Комиссия в процессе работы пришла к выводу о нецелесообразности коммерческих судов, так как торговые споры могли рассматриваться общими судами. Вследствие этого несколько коммерческих судов было упразднено, но в 1871 г. во главе с председателем Коммерческого суда г. Санкт-Петербурга В.В. Фришем была создана новая Комиссия, целью которой было преобразование коммерческих судов. Новая Комиссия разработала проект нового устава торгового судопроизводства и выступила с инициативой сохранения коммерческих судов. Однако данный устав не был утвержден, и упразднение коммерческих судов продолжалось. В соответствии с господствующими представлениями о ненужности коммерческих судов их общее количество стало сокращаться. В 1895 г. коммерческих судов в России осталось всего семь. Несмотря на это, споры продолжались вплоть до 1904 г., когда был окончательно решен вопрос о ненужности коммерческих судов. К тому времени их осталось всего четыре (в обеих столицах, Одессе и Варшаве).

Коммерческие суды в столицах и Одессе были отделены от общих судебных учреждений и не подчинялись Гражданскому кассационному департаменту Сената. Последней инстанцией для них являлся Судебный департамент Сената. Устройство и деятельность этих судов определялись Уставом торгового судопроизводства 1832 г. Варшавский коммерческий суд был включен в систему общих судов и подчинялся судебной палате и Гражданскому кассационному департаменту Сената. Устройство и деятельность данного суда регламентировались Уставом гражданского судопроизводства 1864 г.

Ю.М. Лукин, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, адвокат Адвокатской палаты Республики Татарстан

¹⁵ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 12.

3. История и место в правовой системе процессуальных законов Российской империи Волостного судебного устава Прибалтийских губерний

Действовавшие в России к концу XIX в. судебно-процессуальные законы опубликованы главным образом в первой части т. XVI Свода законов Российской империи и включали в себя: 1) судебные уставы Императора Александра II от 20 ноября 1864 г.; 2) правила 12 июля и 29 дек. 1889 г. о судебной части и производстве судебных дел в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках, и 3) Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. Последний процессуальный документ имеет статус процессуального закона Российской империи, но при этом его исследованию ученые уделяют мало внимания. Причин для этого много, и прежде всего схожая природа с судебными уставами для общих судебных мест, а также то, что он являлся продолжением развития положений судебных уставов от 20 ноября 1864 г.

По внешним признакам волостные (крестьянские) суды вполне попадали под понятие мировых: они имели ограниченную юрисдикцию (малозначительные гражданские и уголовные дела) и использовали упрощенный порядок судопроизводства. Кроме того, волостные суды являлись частью весьма дифференцированной судебной системы Российской империи: они упоминались в примечании к ст. 2 Учреждения судебных установлений 1864 г. наряду с коммерческими, военными и другими сословно-специализированными судами, судебная власть которых определялась особыми постановлениями. Волостные суды имели следующие признаки. Волостные суды – суды исключительно сословные; они рассматривали дела, в которых сторонами выступали представители определенного сословия, в данном случае крестьянского. Для мировой юстиции это в целом не характерно. Во-первых, она представляет собой всесословный институт, и лишь кадровый состав мировых судей может иногда формироваться по сословному принципу. Во-вторых, и это более существенно, природа волостных и мировых судов различна. Волостные суды имеют общественную, а не государственную природу, их истоки – в локальных самоуправляющихся территориальных единицах (общинах), где необходимо сохранять правопорядок.

Волостные суды появились в России еще в первой половине XIX в. в рамках реформы самоуправления государственных крестьян (в Сельском судебном уставе 1839 г. они именуется волостными расправами). Хотя фактически, конечно, этот институт такой же древний, как и сама крестьянская община; в XIX столетии они были попросту легально оформлены.

Волостной судебный устав Прибалтийских губерний от 9 июля 1889 г. – самый яркий пример процессуального закона волостных судов Российской империи, он имел наиболее законченный вид и даже был опубликован в Своде законов Российской империи. Из разъяснений Сената следовало, что для признания дела подсудным волостному суду требовалось наличие трех условий: 1) проступок должен быть совершен лицами, принадлежащими к крестьянскому сословию; 2) проступок должен быть совершен в пределах сельской местности; 3) проступок не должен превышать пределов подсудности волостного суда. Соответственно подсудность дела волостному суду обуславливалась наличием трех признаков: личного (персонального), территориального (местного) и родового (предметного). При отсутствии любого из этих признаков дело рассматривалось общими судами.

К крестьянскому сословию согласно разъяснениям Сената относились: крестьяне, купцы из крестьян, не причисленные к городскому сословию, крестьяне, торгующие по промысловым свидетельствам, отставные нижние чины из крестьян, жены государственных крестьян. Дело подлежало рассмотрению волостного суда, если проступок, совершенный крестьянами,

касался их общинной или частной жизни. Все остальные проступки, затрагивающие государственные и общественные интересы, как касающиеся всех сословий, подлежали подсудности мировых судей или общих судов.

Законом 9 июля 1889 г. волостные судебные учреждения Прибалтийских губерний преобразованы в волостные и верхние крестьянские суды, и им в руководство преподан Волостной судебный устав. Последний представляет собой не что иное, как извлечение, с некоторыми дополнениями и изменениями, главнейших положений Учреждения мирового суда и судопроизводства в этом суде.

Волостные суды, действующие на основании Общего положения от 19 февраля 1861 г., забирали огромную часть подсудности, оставляя тем самым приобретших личную свободу крестьян в зависимости от общинных устоев. В своей деятельности они руководствовались нормами обычного права, которое формировало народное правосознание.

При издании судебных уставов 20 ноября 1864 г. было признано необходимым сверх общих судебных мест учредить для дел маловажных еще особые местные суды, которые близостью своей к тяжущимся и простотой форм делопроизводства соответствовали бы вполне потребностям большинства населения. Суды эти должны были иметь свойство наиболее простого суда, с соблюдением, однако, по возможности необходимых гарантий справедливости их решений. Такими судами явились мировые суды и волостные суды; учреждение их и порядок уголовного и гражданского судопроизводства в них и проступки, им подсудные, были выделены в особые, самостоятельные отделы судебных уставов; но вместе с тем было указано (ст. 80 Устава гражданского судопроизводства и ст. 118 Устава уголовного судопроизводства), что в случаях, в которых мировой судья встретит затруднение в порядке судопроизводства, дело разрешается им на основании постановлений, изложенных в особых отделах, с подробными правилами судопроизводства в общих судебных местах.

Практика действия местных судебных мест показала, что иски с невысокой ценой либо дела по незначительным преступлениям сопровождалась теми же сложными, запутанными, нелегко выясняемыми обстоятельствами, как и иски и преступления, подсудные общим судебным местам, и что принятие дела к производству и его дальнейшее направление потребовали от мирового судьи для устранения произвола, охранения порядка и гарантии справедливости исполнения большинства тех форм судопроизводства, которые в этих категориях дел были установлены лишь для общих судебных мест. Словом, произошло во многом фактическое слияние порядка мирового судопроизводства с таковым же в общих судебных местах, разделенных вначале между собой.

При издании в 1889 г. Волостного судебного устава Прибалтийских губерний предполагалось наделение его следующими качествами: краткость, несложность и общепонятность, — как руководства, предназначенного для малограмотных судей-крестьян. С этой целью были сокращены положения и об учреждении мирового суда, и о судопроизводстве в нем, которые требовались для ясного и правильного применения соответствующих норм Устава, а также сделаны дополнения положениями, постановленными для общих судов; но тем не менее было указано (примечание к ст. 1 Правил о производстве гражданских дел и примечание к ст. 1 Правил о производстве дел о проступках), что если мировой съезд, в качестве высшего крестьянского суда, применяя Волостной судебный устав, встречал какое-либо сомнение относительно его смысла, то должен был решать такой случай по аналогии с уставами уголовного либо гражданского судопроизводства. Кроме того, в ст. 90 Правил о производстве гражданских дел сделано указание на то, что волостной суд в случаях, не предусмотренных местными крестьянскими положениями, руководствуется между прочим местными и общими государственными законами. Понятно, что мировой съезд не единственное место, где могли возникать сомнения при применении Волостного судебного устава. Они равно могли иметь место и в волостном, и в верхнем крестьянских судах и должны были быть разрешены ими же так или иначе. Но

чтобы разрешить встречное сомнение, нужно было не только иметь под рукой судебные уставы и те узаконения, на которые указывает вышеприведенная статья, но и быть знакомыми с ними.

Для иллюстрации сложности положения волостных судов в таких случаях приведем следующие примеры. Судебные уставы указывают такие случаи, как: возвращение прошений, апелляций, кассаций, частных жалоб; оставление их без движения; восстановление сроков на подачу жалоб, пропущенных не по вине просителя; прекращение дела миром вне судебного заседания, – но Волостной судебный устав не содержал соответствующих норм, хотя нет ни малейшего сомнения в том, что указания об их применении и производстве по этим вопросам имелись и в волостных судах. Кроме того, было указано, что волостному суду подлежало применить гербовой устав и устав о пошлинах с имущества, переходящего безвозмездным способом; надлежало знать все роды договоров и обязательств, так как волостные суды обязаны были разрешать по ним иски и заведовали нотариальной частью.

Г.А. Валеева, кандидат исторических наук, доцент

Казанского (Приволжского) федерального университета

Ю.М. Лукин, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, адвокат Адвокатской палаты Республики Татарстан

Краткое слово о французском гражданском процессе в Польше

1. Исторические реалии

История введения в Польше французской модели гражданского судопроизводства неразрывно связана с драматической историей польской государственности начала XIX в. Рассматривая, казалось бы, далекую от мировой политики историю гражданского процесса, как в зеркале можно увидеть чаяния и разочарования великой наполеоновской эпохи, в которую Польша сыграла не последнюю роль. После трагических событий конца XVIII в. и утраты королевской Речью Посполитой суверенитета польские земли оказались под контролем нескольких империй. Обострение политической ситуации в Европе в начале XIX в. и так называемые наполеоновские войны пробудили надежду на возрождение польской государственности. Несмотря на разные политические течения среди польских элит, в конце концов взяло верх пронаполеоновское течение, представители которого видели в императоре Франции избавителя от чужого господства.

В 1807 г. было образовано Варшавское княжество (иногда в российских источниках встречается название «Герцогство Варшавское») на основании договора, заключенного Наполеоном с Пруссией в Тильзите. Существование Княжества было довольно коротким и фактически не насчитывает даже семи лет, хотя формально оно длилось с 1807 по 1815 г. Хронологически его развитие соответствует взлету личной карьеры Наполеона¹⁶. Без сомнения, Варшавское княжество, зависящее от Империи Наполеона, не может быть названо полностью независимым государством. Варшавское княжество в июле 1807 г. в Дрездене получило от Наполеона Конституцию¹⁷, но в соответствии со ст. 5 этого Конституционного акта от 22 июля 1807 г. корона Варшавского княжества наследовалась саксонским королем или его потомками и правопреемниками согласно порядку наследования в саксонской королевской семье, т. е. состоялась персональная уния Княжества с Саксонией, поэтому, например, заграничная политика была исключена из ведения правительства Княжества и отдана министру иностранных дел Саксонии¹⁸. В связи с этим правовые акты Фридриха Августа, короля Саксонии, издававшиеся в основном в форме декретов, имели огромное значение для Варшавского княжества. Собственно говоря, «королевская власть не была четко очерчена, но охватывала целое «правительство», т. е. государственную власть, за исключением законодательства в узком смысле (отнесенном к компетенции сейма), – королевские декреты имели очень разнообразное содержание и разный уровень детализации, определявший их место в иерархии норм»¹⁹. Тем не менее появление Варшавского княжества на карте Европы того времени рассматривалось как начало возрождения польской государственности, пусть даже в ограниченной форме. Многие ключевые посты в Княжестве занимали видные польские государственные деятели.

¹⁶ Ср.: Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa, 1976. S. 353.

¹⁷ Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Op. cit. S. 353.

¹⁸ Ibid. S. 358, 360.

¹⁹ Ustawodawstwo Księstwa Warszawskiego // Akty normatywne władzy najwyższej, T. I. 1807–1808 / Oprac. W. Bartel, J. Kosim, W. Rostocki. Warszawa, 1964. S. VIII.

2. Конституционные основы судостройства Варшавского княжества

Раздел IX Конституционного закона Варшавского княжества (такое официальное название получила Конституция от 22 июля 1807 г.) был посвящен судостройству. С введением Конституции начинается эра рецепции французского законодательства, в том числе процессуального, в Польшу. Следует отметить факт именно рецепции и влияния, а не копирования законодательства, поскольку иногда даже целостное принятие того или иного законодательного акта вызывало сопротивление в практике и вело к соответствующим модификациям. Согласно ст. 69 Конституционного закона «Кодекс Наполеона будет гражданским правом Варшавского княжества»²⁰. Эта статья была введена по личному настоянию Наполеона Бонапарта, более того, в самом Кодексе нельзя было ничего изменить без его личного согласия²¹. Конечно же в практике такой подход вызвал сопротивление, и со временем были внесены серьезные изменения в Гражданский кодекс. В исторической перспективе отношение к Кодексу Наполеона менялось. Изначально глубокое сопротивление вызывал его либерализм, что привело к его частичной замене Гражданским кодексом Польского королевства²², который начал действовать с 1 января 1826 г. Соответственно изменение материального права привело к изменению гражданской процедуры. С течением времени Кодекс Наполеона, однако, стал символом самобытности польского законодательства, имеющим огромное значение для национального самосознания. Нормы разд. IX не вводили в действие процессуальных законов, но регулировали некоторые аспекты судостройства. Гражданский и уголовный процессы объявлялись публичными (ст. 70). Данный принцип не являлся абсолютным и не рассматривался как требование рассмотрения всех дел без исключения на публике. Исключения могли быть продиктованы принципами охраны общественной морали или безопасности²³. Собственно говоря, ст. 87 французского ГПК упоминает ситуации, которые могли бы «привести к соблазну или были бы сопряжены с важными неудобствами», что является основанием исключения публичности гражданского процесса. Как указывает по этому поводу знаток гражданской процедуры того времени А. Хейлман, «не всякое судебное действие является такого характера и важности, что с ним обязательно должна быть сопряжена публичность. Находятся иные, которые, напротив, требуют тайности для блага сторон, семьи или же общего блага»²⁴.

В каждом повете устанавливался мировой суд, а в каждом департаменте – один гражданский трибунал первой инстанции (ст. 71). В целом княжестве должен был действовать один «отзывной», т. е. апелляционный, суд (ст. 71). На так называемый Государственный совет (*Conseil d'État*)²⁵ возлагались Конституцией функции кассационного суда (ст. 72). В литературе указывается, что институт гражданской кассации появился в Польше вместе с наполеоновскими ГК и ГПК²⁶. Судебный порядок (производство) объявлялся независимым (ст. 74), т. е. фактически устанавливались гарантии независимого судебного разбирательства и независимости судей. Решения судов и трибуналов выносились от имени короля (ст. 77). Не будет преувели-

²⁰ Dziennik Praw Księstwa Warszawskiego. T. I. Nr. 1. В 1808 г. начал выходить «Журнал прав Варшавского княжества», в первом томе которого и была опубликована Конституция.

²¹ Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Op. cit. S. 427.

²² Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 10. Nr. 41. S. 3.

²³ Ср.: Heylman A. O sądownictwie w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1834. S. 107.

²⁴ Ibid. S. 108.

²⁵ В польской юридической традиции принято употреблять название *Rada Stanu*, что является неточным переводом с французского. Ср. на эту тему вместе с указанной там литературой: Jastrzębski R. Trybunał Kompetencyjny, Kolegium Kompetencyjne, Geneza Działalność Współczesność. Warszawa, 2014. S. 35 (n. 126).

²⁶ См., например: Ereciński T. Znaczenie francuskiego *Code de procédure* z 1806 roku dla rozwoju procesu cywilnego w Polsce // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2005. T. LVII. Z. 2. S. 139.

личением утверждение, что впервые на польских землях была введена гражданская процедура новых времен, ломающая старые, иногда средневековые представления о процессе. Как указывает Т. Эречинский, Наполеонов кодекс не формулировал прямо никаких принципов гражданского процесса, но научная литература формулировала их на основании отдельных постановлений: принципы равенства сторон, состязательности, диспозитивности, устности, публичности, концентрации процессуального материала, свободной оценки доводов, строгого формализма²⁷.

3. Введение *Code de procédure civile* в Варшавском княжестве

Французский *Code de procédure civile* 1806 г. не был введен в действие Конституционным законом, на момент принятия которого, без сомнения, больше внимания уделялось Гражданскому кодексу. Собственно говоря, невозможно понять введение ГПК без истории введения ГК Наполеона в Польшу. Как указывалось выше, согласно ст. 69 Конституционного закона «Кодекс Наполеона будет гражданским правом Варшавского княжества»²⁸. Несмотря на прямое указание Конституции, такое постановление вызвало неприятие в некоторых кругах польского общества. Речь идет даже не об отвержении идеи о том, что Кодекс Наполеона – это мировое право, созданное по образцу римского права, которое должно содействовать объединению разных стран под господством Франции²⁹. Польские высшие слои общества не воспринимали именно антифеодальный характер ГК Франции (в польском Конституционном законе употреблялось название «Кодекс Наполеона»). В отличие от так называемых Итальянской и Вестфальской конституций (Кодекс Наполеона добровольно-принудительно был введен в разных странах), польский Конституционный закон не предусматривал срока введения, что теоретически давало возможность отложить его вступление в силу. Тем не менее Кодекс был введен Декретом от 27 января 1808 г.³⁰ Несмотря на сопротивление Государственного совета, Кодекс начал действовать с 1 мая 1808 г., а в департаментах, выделенных из Галиции, – 15 августа 1810 г.³¹ Из исторических источников сложно получить однозначный ответ, почему в Конституционном законе не упоминаются другие кодексы, в том числе ГПК. Возможно, ответ следует искать в привязанности к Кодексу Наполеона, который, по всей видимости, являлся наиболее удачливым из всех кодексов наполеоновской эпохи, или же в идее второстепенности (служебной роли) гражданского процесса по отношению к материальному праву. Данный вопрос, без сомнения, занимал правящую элиту Варшавского княжества, перед которой встала проблема практического применения материального права на процессуальном уровне. Нормы ГК вместе со скромными нормами Конституции касательно судебной иерархии были недостаточны для практического применения. Поэтому Министерство юстиции заняло позицию, согласно которой введение Кодекса Наполеона неизбежно тянет за собой принятие французского Гражданского процессуального кодекса и даже французского Торгового кодекса. Более того, вскоре получил распространение взгляд, согласно которому все три кодекса состоят между собой в неразрывной связи и должны рассматриваться как единое целое³². Несмотря на отсутствие каких-либо прямых нормативных оснований, сторонник такой идеи министр юстиции в правительстве Варшавского княжества Феликс Лубенский ввел вышеперечисленные кодексы подзаконными нормативными актами. Соответственно ГПК (название «Устав гражданского судопроизводства» характерно для русских дореволюционных переводов) был введен не законом,

²⁷ Ibid. S. 135.

²⁸ Dziennik Praw Księstwa Warszawskiego. T. I. Nr. 1.

²⁹ Sobociński W. Historia ustroju i prawa Księstwa Warszawskiego. Toruń, 1964. S. 199.

³⁰ Dziennik Praw Księstwa Warszawskiego. T. I. Nr. 1. S. 46–47.

³¹ Ср.: Sobociński W. Op. cit. S. 199.

³² На эту тему см.: Heylman A. Op. cit. S. 8.

но Инструкцией (*zarządzeniem*) министра юстиции об организации судопроизводства и правомочиях судебных властей и лиц, входящих в систему органов правосудия, от 23 мая 1808 г.³³ Даже в этой Инструкции сложно найти прямые и безоговорочные постановления о введении ГПК, который действовал в Польше без малого 70 лет. Так, согласно § 8 Инструкции «Гражданский процессуальный кодекс и Торговый кодекс являются такими же действующими, как и Кодекс Наполеона, по предмету, в котором между ними и Кодексом Наполеона существует неразрывная связь, кроме изменений, основывающихся на Конституции Варшавского княжества»³⁴. Языковое толкование вышеприведенной нормы может склонять к мысли, что французский ГПК был введен только частично, что, конечно же, не подтверждается историческими фактами. Кроме того, в § 11 Инструкции указано, что «в делах, которые согласно вышеуказанным правилам будут разрешаться согласно нормам Кодекса (Наполеона. – *Я.Т.*), будет применяться, пока не появятся постоянные нормы, французский Гражданский процессуальный кодекс со времени перед 1 мая»³⁵. Указание на «временность» применения ГПК было не случайностью, но скорее попыткой сгладить радикализм введения чужой гражданской процедуры.

Королевским Декретом от 27 апреля 1808 г. создается Комиссия, имеющая своей задачей подготовку проекта «по предмету, касающемуся процедуры и иных частей законодательства, не охваченного в Кодексе Наполеона»³⁶. Более того, королевским Декретом от 18 июля 1808 г.³⁷ вводятся в действие нормы касательно работы Комиссии, где более подробно указано, что она призвана провести контроль перевода Кодекса Наполеона на польский язык и составить проекты Гражданского процессуального, Торгового и Уголовного кодексов. То, что Комиссия должна была разработать проекты правовых норм, не охваченных Кодексом Наполеона, также могло означать введение норм процессуального характера. Согласно последнему пункту Декрета от 18 июля 1808 г. – п. 11 министр юстиции имел право использовать экспертные мнения судов относительно процедуры и представлять их Комиссии. Исполнение всего Декрета также поручалось министру юстиции, хотя сама идея прямой рецепции французского законодательства была ему особенно близка. Подход, выраженный в королевских декретах, создавал иллюзию, что «формальная и полная рецепция, требуемая Конституцией, касается только самого Кодекса Наполеона, в то время как иные отрасли судебного права должны были опираться на собственные кодификационные работы и законы Княжества. Комиссия, однако, оставалась под влиянием министра юстиции, а ее проекты должны были направляться на одобрение королевским решением через того же министра»³⁸. Кроме того, даже касательно создаваемых якобы местных проектов законов и кодексов на государственном уровне требовалось брать за образец законодательство Франции. Согласно таким требованиям был создан проект ГПК, который «застрял» в Государственном совете³⁹. В конце концов этот проект так и не был окончательно одобрен и введен в действие.

Учитывая реалии Варшавского княжества, можно задать вопрос: могло ли быть иначе? На поставленный так вопрос, по всей видимости, следует ответить отрицательно. Во-первых, весьма сомнительна даже теоретическая возможность создания в довольно короткие сроки Гражданского процессуального кодекса, учитывающего нормы материального права Кодекса

³³ Przepisy dotyczące się Organizacji oraz attrybucji Władz sądowych i osób do składu Sądownictwa należących // *Zawadzki S. Prawo cywilne obowiązujące w Królestwie Polskiem*. T. III. Warszawa, 1863. S. 343–354.

³⁴ *Zawadzki S. Op. cit.* S. 347.

³⁵ *Ibid.* S. 348.

³⁶ *Dziennik Praw Księstwa Warszawskiego*. T. I. Nr. 1. S. 34.

³⁷ Dekret o przepisach dla komisji powołanej 27 V i 14 VII 1808 r. do skontrolowania przekładu Kodeksu Napoleona na język polski i ułożenia projektu procedury sądowej, kodeksu handlowego oraz karnego. Komisja ta ma również opracować projekty norm prawnych nieobjętych Kodeksem Napoleona // *Ustawodawstwo Księstwa Warszawskiego, Akty normatywne władzy najwyższej*. T. I. 1807–1808. S. 130–131.

³⁸ *Sobociński W. Op. cit.* S. 39.

³⁹ *Ibid.* S. 40.

Наполеона. Сам Кодекс Наполеона должен был действовать в Княжестве в оригинале, т. е. исключительно французский текст считался аутентичным законом. Появилось несколько переводов на польский язык, каждый с каким-то изъяном, что сразу подвергалось публичной критике. Ни о каком быстром утверждении официального перевода Кодекса Наполеона на польский язык (несмотря на существование конкурирующих переводов) не могло быть и речи⁴⁰, т. е. авторы ГПК Княжества должны были отлично знать французскую юридическую лексику. О применении Кодекса среди широких масс населения вообще не приходится говорить. Во-вторых, несмотря на политический союз с Францией, практическое глубокое знание французской юриспруденции не было распространено. Следует отметить, что французский ГПК базировался еще на королевском Ордонансе XVIII в. Анекдотическим является случай, когда понадобился специальный Декрет от 26 января 1808 г.⁴¹, согласно которому «воля светлейшего короля состояла в том, чтобы в переводе Кодекса Наполеона, где говорится «каждый француз», было употреблено выражение «каждый поляк из Варшавского княжества»». В-третьих, течение времени играло против идеи собственной кодификации гражданского процесса. Без сомнения, протест справедливо вызывали излишний формализм Кодекса, дороговизна гражданского процесса, что давало преимущество более состоятельной стороне⁴². Французский ГПК начал действовать и с каждым днем все более входил в практическую жизнь, хотя даже в изданиях, появившихся после наполеоновской эпохи, все еще можно найти упоминания об ожидании новой процедуры⁴³. В связи с этим нельзя было избежать прямой рецепции французской судебной процедуры. Интересно отметить, что полный перевод ГПК на польский язык авторства Антония Лабенцкого появился только в 1810 г.⁴⁴ Несмотря на то что на издании была отметка «по поручению ЕВ Министра юстиции», аутентичным и официальным оставался текст оригинала на французском языке.

4. Судебное устройство Польского королевства

Военные и политические потрясения не прервали эпоху наполеоновского законодательства в Польше. После падения наполеоновской власти во всей Европе и Венского конгресса 1814–1815 гг. из части земель Варшавского княжества было создано Польское королевство (в российской литературе – Царство Польское). Королевство управлялось относительно либеральной Конституцией, утвержденной Александром I на основе польских проектов⁴⁵. Согласно ст. 1 Конституционного закона Королевства Польского от 27 ноября 1815 г.⁴⁶ «Королевство Польское раз и навсегда соединено с Российской империей». В то же время не произошло унификации польского законодательства с общеимперским. В отличие от современных правотворцев, законодатель XIX в. редко проявлял ненужный радикализм, дестабилизирующий гражданский оборот. ГПК действовал дальше, несмотря на изменение политического режима. Конституция 1815 г. гарантировала независимость судебной системы (ст. 138). Интересно отметить, что ст. 139 Конституции давала исчерпывающее определение судебной независимо-

⁴⁰ На тему разных переводов ср.: *Sobociński W.* Op. cit. S. 201–202.

⁴¹ *Ustawodawstwo Księstwa Warszawskiego, Akty normatywne władzy najwyższej.* T. I. 1807–1808. S. 28.

⁴² *Historia Państwa i Prawa Polski.* T. III: *Od rozbiorów do uwłaszczenia / Pod. ogólną red. J. Bardacha.* Warszawa, 1981. S. 154.

⁴³ Так, например, судья и одновременно переводчик Д. Джерожинский во вступлении: *Rogron J.A. Kodex postępowania cywilnego / Przełoż. D. Dzierzynski.* Warszawa, 1829. Данное издание является примером перевода известной позиции французской доктрины авторства Рогрона на польский язык для удовлетворения потребностей польских судов.

⁴⁴ *Kodex postępowania sądowego cywilnego, z zlecenia JW. Ministra Sprawiedliwości.* Warszawa, 1810. Хотя существует книга Лабенцкого за 1808 г. «Короткий очерк процесса, соответствующего Кодексу Наполеона», где также выполнен перевод многих статей Кодекса на польский язык: *Łabęcki A. Krótki rys procesu stosownego do Kodexu Napoleona, przedstawiony z zlecenia JW. Ministra Sprawiedliwości, z przyłączeniem nót i stosownych artykułów.* Warszawa, 1810.

⁴⁵ *Szczaniecki M. Powszechna historia państwa i prawa / Oprac. K. Sójka-Zielińska.* Wyd. 10. Warszawa, 2009. S. 460.

⁴⁶ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* T. I. Nr. 1. S. 42.

сти. Под ней Конституция понимала свободу выражения своего мнения во время отправления правосудия без влияния верховной или министерской власти. Всякое иное определение или интерпретация независимости считались злоупотреблением. Часть судей назначались пожизненно королем, а часть избирались (ст. 140). Устанавливалась следующая судебная иерархия:

– мировые судьи для всех категорий жителей (ст. 144), причем дело могло быть внесено в первую инстанцию, минуя мировых судей только в ситуации, прямо указанной в законе (так называемые дела, не подпадающие под юрисдикцию мировых судей);

– суды первой инстанции: гражданские суды в гмине (административная единица наподобие района) и городе по делам до 500 злотых (ст. 146), выше этой суммы – земские и «съездные» суды в воеводствах. К первой инстанции относились также торговые суды, а для уголовных дел и по нарушениям – городские суды;

– согласно ст. 150 Конституции следовало установить не менее двух апелляционных трибуналов в Королевстве для рассмотрения дел из первой инстанции по уголовным, гражданским и торговым делам;

– последней инстанцией был Верховный трибунал в Варшаве для всей территории Королевства Польского (ст. 151);

– особый Сеймовый суд для преступлений высших чиновников Королевства (ст. 152).

Во времена Польского королевства Яном Непомуценом Волицким была предпринята попытка реформирования гражданского процесса. Изначально он хотел создать оригинальный проект, однако после сопротивления властей им был разработан проект, схожий с *Code de procédure civile*, но не лишенный своих оригинальных черт (например, в отличие от французского Кодекса, в начале были размещены общие принципы)⁴⁷. К сожалению, Сейм так и не принял и не ввел в действие этот закон.

После польского восстания 1830–1831 гг. Конституция была упразднена, а Польское королевство фактически утратило черты отдельного государства на основании Органического статута (устава) 26 февраля 1832 г.⁴⁸ Несмотря на сложную политическую ситуацию, согласно ст. 1 Органического устава⁴⁹ оставались в силе «собственные» кодексы и законы, в том числе касающиеся судебного процесса. Органический статут в основном подтверждал существующую судебную структуру и полномочия мировых судей, судов первой инстанции, отдельных торговых судов, апелляционных судов. Согласно ст. 67 Статута в Варшаве устанавливалась Палата верховного суда. Несмотря на разнообразные изменения, описанные в публикуемой в настоящем издании вступительной статье Г.А. Валеевой и Ю.М. Лукина, французский Кодекс, без сомнений, был вехой развития польского гражданского процесса и в полной мере считался «своим». Следует все же подчеркнуть, что действие французского ГПК в Польше, особенно в первоначальный период, не привело к полной унификации гражданского судопроизводства. Такое состояние дел было связано с сохраняющимися традициями королевской Речи Посполитой, влиянием процедуры государств, оккупировавших Польшу, а также с принятием судами в Польском королевстве ряда внутренних регламентов и инструкций⁵⁰.

В момент введения общеимперского Устава гражданского судопроизводства 1864 г. его действие распространялось только на те польские земли, которые не входили непосредственно в состав Польского королевства, но были непосредственно инкорпорированы в Российскую империю⁵¹. На территории Польского королевства Устав гражданского судопроизводства был введен Указом от 6/18 марта 1874 г. Тем не менее даже после начала действия этого зако-

⁴⁷ Historia Państwa i Prawa Polski. T. III: Od rozbiorów do uwalaszczenia. S. 518.

⁴⁸ *Szczaniecki M.* Op. cit. S. 460.

⁴⁹ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. XIV. Nr. 1. S. 172–249.

⁵⁰ Historia Państwa i Prawa Polski. T. III: Od rozbiorów do uwalaszczenia. S. 517.

⁵¹ Подробнее в российской правовой литературе см.: *Rylski P., Weitz K.* The Impact of the Russian Civil Judicial Proceedings Act of 1864 on the Polish Civil Proceedings // Russian Law Journal. 2014. Vol. II. Issue 4. P. 80.

нодательного акта в Польше сохранялись некоторые процессуальные особенности, и нельзя утверждать о полной унификации⁵². Частично это было обусловлено отсутствием унификации гражданского материального права, т. е. действием Кодекса Наполеона, несмотря на введение российской гражданской процедуры.

*Ярослав Турлуковский,
доктор права, профессор факультета права
и администрации Варшавского университета (Польша)*

⁵² Grzybowski K. в: Historia Państwa i Prawa Polski. T. IV: Od uwłaszczenia do odrodzenia państwa / Pod. ogólną red. J. Bardacha. Warszawa, 1982. S. 255.

Устав гражданского судопроизводства

Указ императора Александра II правительствующему сенату

20 ноября 1864 г.

По вступлении на прародительский престол одним из первых наших желаний, всенародно возглашенных в Манифесте от 19 марта 1856 г. (30273), было: «да правда и милость царствуют в судах».

С того времени среди других преобразований, вызванных потребностями народной жизни, Мы не переставали заботиться о достижении упомянутой цели посредством лучшего устройства судебной части и после многосторонних предварительных работ во втором Отделении Собственной Нашей Канцелярии 29 сентября 1862 г. (38761) утвердили и тогда же повели обнародовать в общее сведение основные положения преобразования этой части.

Составленные в развитие сих основных положений особо учрежденною нами Комиссиею проекты Уставов ныне подробно обсуждены и исправлены Государственным Советом.

Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего.

Вследствие того, признав за благо утвердить составленные и рассмотренные в таком порядке: 1) Учреждение судебных установлений (41475), 2) Устав уголовного судопроизводства (41476), 3) Устав гражданского судопроизводства (41477) и 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (41478), и препровождая все означенные законоположения в Правительствующий Сенат, повелеваем ему сделать надлежащие распоряжения для их обнародования. Порядок приведения их в действие будет неотложно за сим особо нами указан.

Призывая благословение Всевышнего на успех этого великого дела, Мы радостно выражаем надежду, что намерения наши осуществляться при ревностном содействии наших верноподданных, как каждого отдельно в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе обществ, сословий и земства, ныне по воле нашей на новых основаниях образуемого.

*Печатается по: Именной, данный Сенату Указ от 20 ноября 1864 г.
«Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» //
Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.
Т. XXXIX. Отделение второе. 1864 (№ 41319–41641). СПб.: Тип. II
Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.
№ 41473. С. 179–180*

Устав гражданского судопроизводства

Общие положения

1. Всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебными установлениями.

Примечание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.